

З.К. Тарланов. Агулы: их язык и история. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та. 1994. 287 с.

Н.Д. Сулейманов. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993. 210 с.

На агульском языке, относящемся к восточно-лезгинской подгруппе, говорит немногочисленный народ (ок. 20 тыс. чел., по переписи 1989 г.), который проживает в Агульском и Курахском районах Дагестана. До последнего времени он функционировал как бесписьменный разговорно-бытовой, тогда как обучение, межнациональное общение и т.п. осуществлялись (в различные периоды) на арабском, азербайджанском и русском языках. Лишь сравнительно недавно была создана агульская письменность на базе собственно-агульского диалекта и началось обучение в школе. Повышение функционального статуса языка, безусловно, требует своеобразной материальной поддержки – в виде учебников, учебных программ, художественных и иных текстов для чтения. Это, в свою очередь, требует определенного уровня научного исследования, которое даст ответ на целый ряд вопросов, возникающих в ходе языкового строительства, – о диалектной базе литературного языка, о соотношении нормы и вариантов и др. Между тем дагестановедение сравнительно небогато научными работами по агульскому языку. Из монографий можно назвать работы А. Дирра "Агульский язык" [Дирр 1907], Р. Шаумяна "Грамматический очерк агульского языка" [Шаумян 1941] и А.А. Магомедова "Агульский язык" [Магомедов 1970]. В этом контексте выход в свет двух книг, продолжающих этот ряд, – Н.Д. Сулейманова и З.К. Тарланова – бесспорно, событие важное и нужное.

Книга З.К. Тарланова, как явствует из названия, не ограничивается сугубо лингвистическими аспектами, уделяя внимание таким вопросам, как этногенез агулов (первая глава), хозяйственная жизнь и социальная организация (вторая глава), обряды, суеверия и магия (третья глава), а также этнографическая специфика агульской лексики (четвертая глава). Таким образом, потенциальный круг читателей здесь не ограничивается лишь лингвистами: она будет интересна любому интересующемуся самобытными народами Кавказа, их историей и культурой. Так, многим небезынтересно будет узнать о том, что найденные в агульских селениях арабские куфические надписи относятся еще к XII–XIII вв. Важным историческим свидетельством является также упоминание в армянской географии VII в. этнонима "агутакани".

В то же время, как справедливо отмечает автор, при относительно ограниченном корпусе исторических свидетельств об этногенезе агульцев и по сопряженным с этим проблемам основную роль играют лингвистические материалы. Однако лингвистические данные могут приобрести желаемую ценность лишь при условии осторожного с ними обращения: в противном случае, обольщая исследователя внешними сходствами, они приведут к выводам из области околону научной фантастики. На наш взгляд, примером такого вывода может послужить следующее замечание: «В плане гипотетической реконструкции исторических связей пралезгинских племен примечателен и следующий факт: в современном агульском языке бытует слово *филан* (*фулан*), которое выступает в значении неопределенно-указательного местоимения – *такой-то*, ср. *filan insan* – такой-то человек, *fulan waxt* – такое-то время. Этимологический смысл его неясен. Не имеет ли оно отношения к тому самому Филану, который упоминается в сообщении арабского историка 9 в. ал-Белазури о "царях" Дагестана, якобы правивших в 6 в.? Среди правителей перечисляются "владелец Сарира, табасараншах и цари ал-Лакзов, Филана и Ширвана"» (с. 15). По нашему мнению, здесь представлено обычное арабско-персидское заимствование, не дающее повода для глубоких исторических реконструкций. Равным образом трудно принять гипотезу о связи агул. *elam* "очень много" с названием древнего народа. Во всяком случае нельзя не обратить внимание на араб. *'a:lam* "мир, свет; народ", передающее в агульском тавтологическом сочетании значение множественности.

Надо сказать, что в книге весьма своеобразно трактуются проблемы межязыкового контактирования. В частности, наличие большого количества иранизмов объясняется тем, что "ираноязычные народы и агулы еще ранее I в. до н.э. имели общие территории" (с. 15). Такое суждение вступает в прямое противоречие с общепринятым в дагестановедении мнением о хронологических рамках дагестанско-иранских контактов, ср.: "...персидские заимствования в лезгинских языках подразделяются на две группы: среднеперсидские и новоперсидские. Исторический контекст их проникновения в дагестанские

языки неоднократно видоизменялся. Так, известно, что борьба за влияние на Кавказе персидской династии Сасанидов продолжалась довольно продолжительное время, начиная примерно с III в. н.э. и кончая VII в. н.э., т.е. временем арабских завоеваний. В XIV–XVI веках народности Дагестана испытали на себе ужасы захватнических походов иранских завоевателей Тимура и Надир-шаха. Следует отметить и тесные политические и культурно-экономические связи Ширвана и Дагестана, которые между ними не прекращались, а также влияние богатой персидской поэтической литературы, получившей распространение в Дагестане" [Загиров 1987: 105–106]. Как видно, в данном случае поиски древних общих территорий оказываются, по крайней мере, избыточными.

Положительным моментом книги является привлечение к исследованию широкого спектра методик, способных внести определенность в проблемы исторического прошлого агульцев, в частности, здесь отводится значительное место данным глоттохронологии, согласно которым (по автору) обособление агульского языка из древне-восточнолезгинского произошло в середине I тыс. до н.э. Вместе с тем особенности применения этой методики автором вызывают некоторые вопросы: во-первых, М. Сводеш предложил в свое время усовершенствованный список из 100 слов, предположительно дающий более точные результаты [Сводеш 1960], тогда как в рецензируемой книге подсчеты производятся по 200-словному списку; во-вторых, сам лексический материал, к сожалению, также не приводится, в связи с чем отсылаю читателя к моей монографии [Алексеев 1985: 18–23], где даны полные списки из 100 слов по лезгинским и некоторым другим дагестанским языкам, которые, кстати, наглядно показывают бóльшую близость агульского к табасаранскому – 69% сохранившейся общей лексики при 53% общности с лезгинским. К этому следует также добавить, что лексикостатистика не является основным критерием генетической классификации языков: основную роль здесь играют разделяемые языками инновации.

Несомненно, большой интерес представляют собранные автором в четвертой главе лексические материалы, особенно в связи с их этнографической направленностью. В то же время нельзя обойти вниманием один дискуссионный вопрос, касающийся способа записи языкового материала. З.К. Тарланов применяет латинскую транскрипцию, которая, на наш взгляд, была бы более уместна в книге с не столь широкой аудиторией. Официальный алфавит агульского языка дал

бы в этом случае гораздо больше для потенциальных читателей из числа агульцев, по существу только приступающих к овладению письмом и чтением на родном языке. То же относится и к собственно лингвистической части работы, в которой описывается грамматическая структура агульского языка. Важной в связи с этим является и опора на определенную диалектную базу. К сожалению, я не нашел указаний на то, какой диалектный материал лег в основу рецензируемого описания. Отдельные примеры (за исключением, естественно, тех случаев, когда показания большинства диалектов совпадают) указывают в разных случаях на разные диалекты. Думается, было бы более разумно привлекать в первую очередь данные собственно агульской (тпигской) речи, характеризующейся такими особенностями, как отсутствие перехода в определенных позициях $b > w$, $d > r$ и др.

Более того, используемая транскрипция оказывается неадекватной, поскольку не различает заднеязычного (k_l) и увулярного (k_v) абруптивов, равным образом фиксируемых в книге знаком k : $kur = kyp$ "зерно" / $kIyp$ "дерево". В таблице фонем (с. 244) потерялся звук, фиксируемый через q (можно лишь догадываться, что в некоторых словах это интенсивный заднеязычный, ср. $qel = kkel$ "ягненок" [в табл. имеем kk], или же увулярный, ср. $qaz = k'az$ "гусь"). В целом можно констатировать, что фонетика в книге практически обойдена вниманием.

Морфологический раздел (гл. 5. Именные лексико-грамматические классы слов; гл. 6. Глагол и его категории; гл. 7. Наречия. Служебные части речи) в целом следует за имеющимися описаниями. Принципиально новым в изучении агульского языка является синтаксический раздел (глава 8), охватывающий такие проблемы, как главные и второстепенные члены предложения, сложное предложение, способы выражения сравнения, совместности, принадлежности, отрицания, временных, причинных, локальных, количественных и некоторых других отношений. Кроме того, надо сказать, что и в морфологических главах значительное место уделяется синтаксическим проблемам – категории залога, переходным и непереходным глаголам, "активным и пассивным глаголам" (название соответствующего параграфа, в котором по существу разбираются возможности передачи в агульском русского пассива, несколько вводит в заблуждение). При неразработанности лингвистической терминологии на материале агульского языка (хотя не очень ясно, почему автор, говоря,

например, о недостаточной разработанности понятия "залог" в дагестановедении [с. 158], ссылается на русско-лезгинский словарь, толкующий его просто как одну из глагольных форм, – на наш взгляд, было бы правильнее в данном случае апеллировать к специальным работам) схема описания, исходящая из семантики языковых единиц, представляется нам вполне оправданной и полезной. Думается, что разработчики будущих школьных учебников найдут в книге нужный и полезный материал.

Книга Н.Д. Сулейманова строится на несколько иных посылах, поскольку имеет другие цели: она посвящена реконструкции общеагульского языкового состояния, предпринятой на основе сопоставления данных современных агульских диалектов. В связи с этим нельзя не отметить попытку автора опираться на принцип релятивной хронологии, т.е. последовательное разграничение протоагульского, общевосточнолезгинского и общесамурского хронологических уровней. Конечно, осуществление подобного исследования было бы невозможным без предварительного изучения вопроса о диалектной дифференциации агульского языка, без определения места каждого из диалектов в классификационной схеме с учетом корреляции "архаизм – инновация" и некоторых других связанных с ними вопросов, ставившихся такими исследователями, как Р.М. Шаумян и А.А. Магометов, во многом установившими диалектный состав языка и специфические черты каждой диалектной единицы по отношению к другим диалектам.

В частности, в диалектном отношении здесь можно выделить собственно агульский диалект (говор), керенский, кошанский и буркиханский (геххунский, по Сулейманову – гехюнский, что, видимо, точнее, учитывая исконное название соответствующего населенного пункта) диалекты. Иногда также обособляется говор с. Фите. Кроме того, Н.Д. Сулейманов расширяет число переходных говоров, добавляя к фитинскому хпюкский и цирхинский.

Сама процедура реконструкции ныне может не только исходить из результатов собственно диалектологических изысканий, но и обращаться к опыту восстановления общелезгинского языка-основы на всех структурных уровнях – фонетики [Талибов 1980], морфологии и синтаксиса [Алексеев 1985], лексики [Загиров 1987]. В этих условиях исследование, предпринимаемое для воссоздания структурного облика одного из бесписьменных до недавнего времени языков, получает определенные преимущества.

Почти половину монографии составляет

первая глава "Фонетика", содержащая сравнительно-исторический анализ вокализма и консонантизма агульского языка. Автор констатирует практически полное отсутствие исследований гласных дагестанских языков в сравнительном плане, с чем вполне можно согласиться (относительно подробно эти проблемы, включая вопросы аблаута, обсуждаются лишь в недавно вышедшей монографии [Nikolaev, Starostin 1994: 72–82]). Трудно не принять и объяснение причин такой ситуации. По Н.Д. Сулейманову, общеагульскими являются гласные *a, *и, *e, *у, дающие, как правило, тождественные рефлексy. Исключение составляет *a, подвергшаяся в ряде случаев упреждению, а также *e, соответствия которой, по словам автора, нерегулярны. В более глубокой перспективе, как отмечает исследователь, надежные соответствия в области вокализма устанавливаются лишь на уровне не ранее "общесамурско-шахдагского" состояния. Отрадно заметить, что проблема ударения также находит в данной главе приемлемую интерпретацию: предполагается, что "в основе глагольной акцентуации, и не только ее, очевидно, исторически лежала семантическая эмфаза единицы, при которой выделялись, актуализировались те или иные значимые компоненты языка" (с. 41).

В разделе, посвященном консонантной системе, указывается на более сложный ее состав в протоагульском. Думается, что автор в целом верно подходит к реконструкции общеагульского консонантизма, затрагивая также релевантные для решения этого вопроса группы согласных, как интенсивные, лабиализованные, фарингализованные и т.п. Особенно хочется обратить внимание на тезис о зависимости трансформации фарингализованных и палатализованных согласных от качества сопровождающих их гласных. Для верификации некоторых фонетических процессов приводятся параллели из контактировавших с агульским языков, в частности табасаранского (ср. тезис об общей для агульского и северных говоров табасаранского изоглоссе *d > p: "Переход *d–p имеет общую агульско-табасаранскую изоглоссу. В табасаранском языке данный процесс получил распространение в северных говорах. Исходя из последовательности *d–p, можно предположить, что очаг его зарождения располагался в области табасаранского языка, вернее, в его северной периферии" [с. 69]). Это, безусловно, повышает надежность предлагаемых интерпретаций в целом. Оправдано и обращение в отдельных случаях к данным других дагестанских языков

(в частности, аваро-андийских), когда лезгинские языки не дают полной информации о праязыковом состоянии.

Реконструируемая протоагульская консонантная система включает четыре ряда смычных и аффрикат, включая звонкие, аспираты, интенсивные и абруптивы. Что касается спирантов, то здесь констатируются две группы: глухие и звонкие. Между тем упускается из виду интерпретация междиалектных соответствий глухих и звонких спирантов как отражения исконных интенсивных (геминированных), кстати, сохранившихся и в отдельных агульских диалектах (см. [Магомедов 1970: 23]).

В книге приводятся доводы в пользу того, что фарингализация является признаком согласных, в то время как фарингализованные гласные обусловлены соответствующим окружением: различная рефлексия фарингализованных и нефарингализованных коррелятов, особенности морфемного членения.

Во второй главе "Морфология" не просто собран грамматический материал различных агульских диалектов, не только дана его лексико-грамматическая интерпретация, но также предлагается конкретное обоснование для каждого реконструируемого архетипа. Тем не менее позиция автора не всегда представляется ясной. Так, в разделе, посвященном именной морфологии, восстанавливаются, с одной стороны, общеагульские показатели множественности **-бар*, **-йар* и **-ар* (с. 92) и, с другой стороны, – **-ар*, **-бур* (*-вур*), **-вар* (< пралезг.) и **-йар* (< восточнолезг.) (с. 93). Надо думать, что аффиксы **-бур*(*-вур*), **-вар* восходят к **-бар*, однако стоило бы более четко разграничивать различные уровни реконструкции.

Рассматривая падежную систему, автор принимает верное терминологическое решение об образовании эргатива посредством нулевого аффикса от косвенной основы. Это дает возможность более точно формулировать некоторые грамматические закономерности, ср., например, замечание о семантическом распределении показательной косвенной основы в хпюкском говоре (с. 98).

Значительный интерес, на наш взгляд, вызывает обращение автора к "темным местам" агульской морфологии, которые не всегда поддаются четкой интерпретации, скажем, на основе фонетических процессов и т.п.; ср. в связи с этим анализ *-н* и *-л* в качестве суффиксов прилагательного, предположительно дифференцировавших соответственно качественные и относительные прилагательные. Кстати, в разделе "Прилагательное" мы находим и такую фразу:

«Превосходная степень образуется при помощи слов *лап* "очень" и *ппара* "очень", "много"» (с. 118). То, что первое слово – очевидный тюркизм, доказывать не надо. В то же время автор не пытается выявить исконную альтернативу этому средству выражения превосходной степени, что создает впечатление о праагульском характере *лап* "очень".

В области морфологии, как известно, агульский язык характеризуется отсутствием распределения имен по классам, однако автор (следуя за Р. Шаумяном и А.А. Магометовым) приводит материал, доказывающий их бывшее наличие. Заслуживающими внимания в рецензируемой работе можно считать и примеры этимологического анализа числительных, которые, впрочем, иногда с трудом можно принять (ср. предположение о производности *йа-кь-уд* "четыре" от *кь'-уд* "два" [с. 123]).

В разделе, посвященном глагольной системе, наиболее существенным представляется вывод о наличии в общеагульском видовой корреляции, которая в дальнейшем сменилась корреляцией деепричастий; однако здесь можно найти и ряд других интересных решений, в частности, выделение, помимо пространственных, четырех направительных превербов.

Хотя книга Н.Д. Сулейманова адресована научным работникам – специалистам в области дагестанской компаративистики, такие ее аспекты, как качественная фонетическая запись, наличие по каждому фонетическому и морфологическому примеру документированных диалектных изоглосс и др., дает, по нашему мнению, возможность использовать ее и в практических целях языкового строительства – например, установления орфографических и грамматических норм. Хотя максимальное использование данных всех диалектов в исследовании Н.Д. Сулейманова диктуется уже самой целью его, тем не менее богатство иллюстративного материала в монографии заслуживает особого упоминания. Хотелось бы надеяться, что в будущем нам удастся познакомиться не только с исследованиями в области фонетики и морфологии, но также с аналогичными работами в сфере синтаксиса и лексики.

В целом обе рецензируемые книги в известной степени как бы дополняют друг друга и существенно расширяют наши знания об агульском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев М.Е. 1985 – Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.

- Дирр А М 1907 – Агульский язык. Тифлис, 1907.
 Загиров В М – 1987 – Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987.
 Магомедов А А 1970 – Агульский язык. Тбилиси, 1970.
 Сводеш М 1960 – К вопросу о повышении точности и лексикостатистическом датировании // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
- Талибов Б Б 1980 – Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.
 Шаумян Р 1941 – Грамматический очерк агульского языка. М., Л., 1941.
 Nikolaev S L, Starostin S A 1994 – A North Caucasian etymological dictionary. М., 1994.

М Е Алексеев

Г.Н. Скляревская. Метафора в системе языка. СПб.: Наука. 1993. 151 с.

В огромном море работ, посвященных изучению метафоры, в последнее время появляется все больше исследований, рассматривающих целые группы, парадигмы метафор, образующих систему.

В ряду исследований системного характера метафоры находится и рецензируемая книга Г.Н. Скляревской, в которой делается попытка построить не какой-либо отдельный фрагмент системы языковых метафор, а систему, охватывающую всю идеографическую классификацию лексики русского языка (правда, на материале только метафор-существительных). Особенно существенно то, что книга написана ученым-лексикографом, имеющим, с одной стороны, большой опыт словарной работы, а с другой – воплощающим идею системности метафор в новом 20-томном толковом словаре русского языка. Эта идея, предполагающая учет возможности сходного развития метафорических значений и употреблений у слов одной семантической группы, как представляется, должна быть весьма продуктивной в лексикографии и до сих пор не была эксплицирована и сознательно воплощена. Поэтому исследование Г.Н. Скляревской, которое развивает далее теорию метафоры в аспекте выявления ее системности, актуально и имеет, кроме теоретического, также и большое практическое значение.

Рецензируемая книга состоит из шести глав, которые распадаются на два больших раздела. В первых четырех главах кратко излагаются основные предпосылки концепции автора, очерчивается категориальный аппарат исследования, проводятся существенные для автора разграничения основных понятий, вычленение из круга смежных явлений основного объекта исследования – языковой метафоры. Строятся оппозиции "языковая метафора/художественная метафора", "языковая метафора/безобразное производное значение", "языковая метафора/генетическая метафора".

В основании первой оппозиции лежат, по мнению автора, гносеологические различия (языковая метафора отражает коллективное понятийное членение действительности, художественная метафора стремится преодолеть его), различия в лексическом статусе (самостоятельность, свобода (относительная) языковой метафоры и контекстная связанность художественной метафоры), в семантической структуре метафорического значения (системность/асистемность) и др.

Второе разграничение также проводится по нескольким признакам: релевантность/нерелевантность признака, лежащего в основе переноса значения, для семантической структуры исходного слова; номинативная значимость (низкая/высокая), наличие/отсутствие семантической двуплановости и др.

И, наконец, отличие генетической метафоры от языковой заключается в "утрате мотивированности, выпадении элемента сопоставления из семантической структуры слова" (с. 41), в том, что в генетической метафоре отсутствует образность, двуплановость, экспрессивность, оценочность – все то, что характерно для языковой метафоры.

Для исследования процесса метафоризации вводится понятие **символ метафоры** – множество сем (в частном случае – одна сема), связывающих метафорическое значение с исходным; причем в исходном значении эти семы относятся к коннотативной области, а в переносном – к денотативной.

Опираясь на введенное понятие символа метафоры, автор монографии проводит тонкие различия между разными языковыми метафорами по типу связи исходного и производного значений и строит очень существенную для теоретической семантики и лексикографии классификацию языковых метафор: I. Мотивированная языковая метафора. Для этого типа метафор характерна эксплицитная связь метафорического значения с исходным. Она может отражаться в толковании слова в словаре (хотя и носит при